Константин Аксаков
Жизнь с бородой

«Могучее существо, с громким голосом, откровенное, чистосердечное, талантливое, но чудаковатое», – такое впечатление производил Константин Аксаков (1817–1860) на его вечного оппонента история Сергея Соловьева. Мечтателем он казался всем, начиная с отца Сергея Тимофеевича, великого писателя, и брата Ивана, который позднее станет его идейным наследником.

Однако в мозгу этого большого ребёнка кипела великая мысль, рождалась доктрина, которую человек, набравшийся, быть может, большего опыта и натерпевшийся больших страхов и не смог выработать – побоялся бы. Славянофильство ведь не случайно родилось на перекрестье родового государственного опыта и личной умственной утонченности. «Это люди были всё русские дворяне, даровитые, ученые, идеальные, благовоспитанные, тонкие, европеизмом

пресыщенные, благородные москвичи, за спиной которых стояли целые века государственного великорусского опыта», – писал о славянофилах Константин Леонтьев.

С личностью и идеями Константина Сергеевича Аксакова (1817–1860) связано возникновение русского славянофильства как идеологического и политического течения. Если заслуга А.С. Хомякова и И.В. Киреевского состоит, прежде всего, в создании общих, религиозно-философских основ славянофильского воззрения, то именно Константин Сергеевич сформировал славянофильство как идейную доктрину, которая с середины 1840-х годов и до сего дня остается неотменимым фактором русской мысли, политики и жизни.

Вера в особый исключительный исторический путь России. Противопоставление бездуховного Запада и святой Руси, которая единственная в мире живет по принципам истинного христианства («русская история может читаться как жития святых»). Уверенность, что петровские реформы оторвали государство и высший свет от национальных корней, но подлинный дух народности жив в русском крестьянине, по которому и следует исправить себя человеку из высшего общества. «Петр силился оторвать Россию от её прошедшего, но он только разорвал её надвое; в его руках остались только верхние классы, простой народ остался на корню». Искренняя и горячая любовь к Москве (в противоположность тогдашней столице – чиновному Санкт-Петербургу), выражавшей не «власть над Русской Землею, а власть Русской Земли», – так что аксаковское направление стало, по сути своей, «москвофильством».

Всё, что всплывает у нас в уме при слове «славянофильство» – это, прежде всего, заслуга Константина Аксакова. Вплоть до дерзкого (в глазах затянутого в узкие лосины и мундир щеголеватого монарха) возвращения к исконной русской бороде и простонародному платью. Борода, косоворотка, меховая шапка-мурмолка – таким образом Константин Сергеевич шокировал светские гостиные. Над ним могли

сколько угодно смеяться, царь мог приказать в 1849 году Константину Аксакову и его отцу сбрить бороды и переодеться в европейское платье, его наследник в 1856-м мог повторить запрет, но в итоге государство капитулировало перед русской бородой. Уже в 1860-е гг. борода стала униформой русского образованного человека – причем не важно уже – консерватора или революционера, а в 1874-м была признана официально. В 1881 году в лице Александра III борода вернулась на русский престол, а с нею пришли и славянофильские идеи, многие из которых государь органически впитал.

Когда мы судим из сегодняшнего дня западников и славянофилов мы смотрим на них во многом неправильно. Из сегодняшнего дня западники нам рисуются как либеральная тусовка, которая ратует за жвачку и кока-колу. Ну или, если выражаться более культурно, западники – это люди, которые европейский космос предпочитают русскому космосу, те, для кого собор Нотр-Дам-де-Парѝ роднее храма Покровá Божией Матери на Нерлѝ, а Шекспир важнее Достоевского.

Но этот взгляд совершенно анахронистичен. Особенностью положения старого русского западничества в том, что никакого Русского Космоса, которому западники предпочли европейский, просто *не было*.

Той русской культуры, которая имеет абсолютное всепревосходящее мировое значение, попросту не существовало. Представьте себе мир без Толстого, Достоевского, Чехова, Булгакова, Солженицына, Тютчева, Блока, Бродского. Мир без Мусоргского, Чайковского, Стравинского, Прокофьева, Свиридова. Мир без Верещагина, Васнецова, Малевича, Нестерова. Мир без Менделеева, Сикорского, Королева и Гагарина. Да без танка Т-34 и ракеты «Сатана» наконец…

А с другой стороны – мир без рублевской Троицы, без фресок церкви Спаса на Нередице, без «Церкви воинствующей», без храмов Покровá на Нерли и Вознесения в Коломне, без «Слова о погибели Русской Земли», «Хождения за Три моря» и Протопопа Аввакума. Всё это, конечно, физически

наличествовало, но не было актуальным культурным фактом – актуализация древнерусской культуры едва наметилась с середины XIX века, а по настоящему мощной стала лишь к началу XX.

Вся наличествующая русская культура эпохи, когда начался спор двух направлений, сводилась к М. Ломоносову, Н. Карамзину, В. Жуковскому, А. Пушкину (подражателю западных форм), Н. Гоголю (малороссийскому чудаку) и полусостоявшемуся байронисту М. Лермонтову. Музыка – одинокий М. Глинка. Живопись – западник К. Брюллов. И всё.

Византизм? Византизм на тот момент был представлен Святейшим Синодом. Апофеоз византизма – митрополит святитель Филарет (Дроздов). Некоторые славянофилы немного общались со старцами Оптиной Пу́стыни. О преподобном Серафиме Саровском в образованной Москве почти никто не слышал.

Россия и Запад противостояли на тот момент не как два равноправных культурных мира, а как полнокровная и многообразная вселенная и культурное «околонуля». Вписаться в ту вселенную, оформить себе не слишком позорное место во втором ряду казалось уже величайшим счастьем. То есть разумный рациональный человек в середине XIX века обязан был быть западником.

То, что на тот момент предлагали славянофилы, было чистой воды утопией: выдумать, вымечтать Россию как особый отдельный культурный мир. И это при отставании по абсолютно всем параметрам от западной цивилизации. Нужно было быть настоящим мечтателем, чтобы в это верить и совсем уж авантюристом, чтобы в этом духе действовать.

О том, насколько слабо обоснованным казалось на первых порах славянофильство, свидетельствует скандал со статьей Н.Н. Страхова «Роковой вопрос», опубликованной в журнале М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» в разгар польского восстания в 1863 году. В ней Страхов сначала долго и убедительно доказывал, что поляки по всему обязаны смотреть

на русских сверху вниз как возлюбленные сыны Цивилизации на диких варваров, что по-другому смотреть на нас просто невозможно. Всё, чем мы можем перед ними похвалиться, – это крепостью своего государства. Если мы хотим с ними соперничать, значит нужно противопоставить им цивилизацию истинно русскую, истинно народную. Если народы различаются только уровнем европейской образованности, то поляки гораздо выше нас. Если же у народа есть истинное будущее предназначение, своя судьба и своя цивилизация, тогда, быть может, нам удастся стать выше поляков.

Разумеется, эту славянофильскую агитацию 99% читателей восприняли как тезис «русские ниже поляков», как обычное полякование и журнал братьев Достоевских попросту запретили. Иначе не возможно было понять этот текст в то время, благомысленную логику из него приходилось буквально выковыривать, поскольку Запад (а значит и Польша) был фактом, а русская цивилизация была миражом. А уж «славянство» было ещё большим миражом, причем к тому же весьма политически вредным, что все критики славянофилов отлично осознавали.

Нужно было очень верить в этот «русский мираж», очень трудиться, расширяя его и в прошлое и в будущее, чтобы в итоге придать ему то колоссальное ускорение, на котором он движется сейчас.

Тогдашние западники были западниками не из русофобии, а из здравого смысла. Особенно когда мы ведем речь о либерально-консервативных западниках-государственниках, таких как Т.Н. Грановский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, М.Н. Катков. От них надо довольно рано начинать отличать радикальных западников, таких как В. Белинский, А. Герцен и Н. Огарев, М. Бакунин.

Различие двух уклонов западничества было огромно. Западники-радикалы принимали взгляд на Европу как на всё более революционизирующуюся цивилизационную и политическую общность и предлагали «задрав штаны бежать

за комсомолом» карбонариев и прочих инсургентов. Они восприняли тезис католика П. Чаадаева об отсталости России от столбовой дороги цивилизации, но самóй этой столбовой дорогой признали революционный уклон Европы, от якобинства и до парижских баррикад июля 1830 года. Соответственно, они оказались категорическими противниками замысла Николая I: противопоставить революционизирующейся Европе русскую контрреволюционную нацию. Западом радикальных западников была Революция.

Западники-государственники были сторонниками продолжения в России петровского проекта, который на их взгляд показал себя успешным. Упорное заимствование работоспособных институтов, воспроизведение показавших себя наиболее жизнеспособными социальных и политических форм. Иными словами, усвоение европейской «истории успеха» и продолжение собственно российской истории успеха от Нарвы и Полтавы до взятия Парижа, казавшейся несомненной. Теми институтами и практиками, которые стремились копировать западники-государственники, были институты и практики умеренного либерально-консервативного западничества, запад Пальмерстона, Гизо, Кавура и прочих. Между ними тоже имелись расхождения – М. Катков был яростным англоманом, поклонником самоуправления джентри и парламента, Б. Чичерин – сторонником французского бюрократизма.

Если западников зачастую произвольно объединяют, то славянофилов, зачастую, столь же произвольно дробят. А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Киреевские, С.Т., К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, иной раз, отделяются какой-то непреодолимой стеной от М.П. Погодина и С.П. Шевырева, искусственно обрываются их связи с Н. Карамзиным, архаистами, А. Пушкиным. Усилиями либерального историка А. Пыпина «правильное» либеральное славянофильство отделяется от вымышленной им «неправильной» официальной народности.

Славянофильство всё, как целое, было мощным ответом русского мыслящего общества на провозглашенный из уст власти принцип русской народности. Но славянофилы были партией не охранительства старого, а напротив – партией великой и дерзновенной мечты. Мечты, которая за следующие полтора столетия стала фактом.

Славянофильство не было, конечно, «первым русским национализмом», как его иногда называют. Первым русским национализмом были национал-консервативные воззрения Н. Карамзина, адмирала А. Шишкова, Ф. Ростопчина, Сергея Глинки. Вторым – попытки декабристов привить к уже сформировавшемуся дереву культурного и политического русского патриотизма радикально-революционные якобинские практики. Третьим русским национализмом стала консервативная программа Николая I и графа С. Уварова. На поставленную императором цель – противопоставить революции русское национальное начало, Уваров и ответил своей знаменитой триадой, то есть программой консолидации священных «остатков» русской народности для укрепления сопротивляемости России революционному духу.

«Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, невзирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия, к счастию, сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках её народности находится и весь залог будущего её жребия…» – рассуждал министр.

Смысл, вкладываемый С. Уваровым в понятие «остатков» или даже «священных останков» (как Уваров выразился в докладе на десятилетие министерства), точнее всего выразил его интеллектуальный «фаворит» – историк Николай Герасимович Устрялов. В «Начертании русской истории для средних учебных заведений», опорном учебнике для всей уваровской образовательной программы, он пишет: «Древний

Русский мір исчез с большею частью его уставов, законов, форм, нравов, обычаев; впрочем, главные непременные условия Русской жизни, Религия и Самодержавие остались неприкосновенными». То есть по Н. Устрялову (и стоящему за ним С. Уварову) Религия и Самодержавие – это то, что осталось от древнего Русского міра, исчезнувшего после петровских преобразований.

Останки утонувшего древнего Русского мира начинают (инструментами исторической, археографической и филологической науки) один за другим извлекаться на поверхность, собираться в целое, упорядочиваться и пропагандироваться через новоутвержденную систему образования. Усилия «возмужавшей» России направляются на то, чтобы открыть секрет её молодости.

В соответствующем ключе была составлена программа уваровских гимназий и училищ, которым надлежало стать краеугольным камнем нового русского образования. В средней школе 36% времени отводилось на закон Божий, русский язык и литературу (сочинения русских писателей от Ломоносова до Пушкина), российскую историю в изложении Карамзина и географию со статистикой.

Особое внимание уделялось преподаванию русской истории. «Российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия, самою верною и надежною», – провозглашал ещё в 1832 году М. Погодин, заступая на кафедру в Московском Университете. Университетские кафедры истории и словесности в мире уваровского «нацбилдинга» были главными сборочными цехами. Именно достижения русской истории и филологии составляют главную гордость уваровского «направления»: «К какому прибегнули мы средству и какое орудие оказало более услуг, как не возбуждение духа отечественного в тройственной формуле “Православие. Самодержавие. Народность”? Если наши сыновья лучше нас знают родной язык, если они

ближе знакомы с нашей историей, с нашими преданиями и народным бытом, то не произошло ли все это оттого, что образованию их дано повсюду русское направление? Если до берегов Немана и далее всё заговорило по-русски, всё учится по образцу русскому, если даже в Остзейском крае усиливается ежедневно владычество отечественного образования, то не русский ли язык и не русский ли дух произвели и продолжают производить этот благодатный результат? Если, наконец, публичное воспитание, без содействия запретительных мер, совершенно уничтожило частное, то не следует ли приписать это добровольное всех отцов семейств отчуждение иностранных воспитателей от образования их детей влиянию духа Русского, проявившегося во всех распоряжениях наших?

Для усиления и укрепления этого духа Министерство необходимо обязано было обратиться к источнику оного – к основательному изучению церковнославянского языка и сродных славянских наречий, и потому, с разрешения Вашего Величества, учреждены в русских университетах кафедры славянского языка и занятие оным поставлено обязанностью и в средних учебных заведениях. Главнейшие памятники нашей древней славяно-русской литературы вышли из забвения, множество актов и документов, служащих к узаконению истории, обнародованы иждивением правительства…»

Успехи археографической экспедиции во главе со П. Строевым, издание многочисленных актов, летописей и хронографов, разыскания С.М. Соловьева в его шведской экспедиции, извлечения, касающиеся русской истории даже из Ватиканского архива, – все эти исторические открытия, которым С. Уваров посвящает немало страниц в своём отчете, увеличивали познание русскими самих себя, укрепляли национальное самосознание.

Исчезнувший «древний Русский мір» вступал в свои права. Но открывавшаяся взору мыслящего русского человека картина приводила его к выводу, что Россия есть не младшая

среди европейских наций, а оригинальная самобытная цивилизация, равночестная с европейской. Здесь-то и обозначилась точка расхождения уваровской версии национализма с «четвертым национализмом» славянофилов.

Славянофилы с энтузиазмом относились к реставрации исторической памяти, проводившейся уваровским министерством. Уже в 1840 году в письме французскому депутату Могену юный Самарин провозглашает: «Обратимся к изучению нашего прошлого. Извлечем его из праха, исследуем в нём зародыши жизни, наши природные начала, которые по сие время не могли получить надлежащего развития». Однако выводы из этой реставрации делались не совсем уваровские.

Уже в 1836 году, готовясь к полемике с «Философическим письмом» П. Чаадаева, А.С. Хомяков рассуждает: «От добровольного соединения Греции и Севера родилась Русь: от насильственного соединения Рима с Севером родились западные царства. Греция и Рим отжили. Русь – одна наследница Греции; у Рима много было наследников».

В этом уравнении Россия не выступает в отношении к Европе аналогом Рима в его отношении к Греции. Напротив, Русь по А. Хомякову – это прямая наследница старшей ветви древней цивилизации, греческой, от соединения с нею северного начала. Европа же это прямая наследница младшей ветви, Рима, при соединении её с тем же северным началом.

«Русский мір» в славянофильской перспективе это не ученик европейской цивилизации, не «Рим» в его соотношении с эллинизмом, а наследник старшей греческой цивилизации в соотношении с наследником младшей римской. Русский мір предстаёт у Хомякова как двоюродный брат Запада. Одно из двух начал – северное, варварское, у Руси и Запада общее и обеспечивающее им равенство, другое – различное, и оно дает Руси право на старшинство.

Весьма показательна заостренная полемичность замечаний А. Хомякова о Крестовых походах, бывших для самого С. Уварова, находящегося в контексте раннего романтизма,

высшим проявлением европейского начала манифестацией молодости европейского духа.

«Крестовые походы были первым движением дремлющих сил Европы». «Промысел родил в недрах феодальных законов способ и случай их навсегда уничтожить. Сей способ – Крестовые походы. Они – последнее испытание юной Европы; последний её порыв, последняя её поэзия… Крестовые походы, которые в первый раз представляют Европу в виде одного великого семейства, занятого одним общим делом, имеющего в виду одинакую цель».

А. Хомяков не только отбрасывает крестовые походы как нечто чуждое Руси, но и представляет их как бесполезные игрушки, которыми Европа была занята в то время, как русские образовывали свою душу и развивали высокую словесность.

«В XII веке у нас христианский мир уже процветал мирно; а в Западной Европе что тогда делалось? – возражает А. Хомяков не столько уже П. Чаадаеву, сколько всем романтикам-евроцентристам. – Овцы западного стада, возбужденные пастырем своим, думали о преобладании; но, верно, святые земли не им были назначены под паству. Бог не требует ни крови, ни гонений за веру; мечом не доказывают истины. Бог слова покоряет словом. Гроб Господень не яблоко распри; он – достояние всего человечества. Таким-то образом мнимо великое предприятие должно было рушиться. Мы не принимали в нём участия, и похвалимся этим. Мы в это время образовали свой ум и душу – и потому-то ни одно царство, возникшее из средних времен, не представит нам памятников XII столетия, подобных Слову Игоря, Посланию Даниила к Георгию Долгорукому и многим другим сочинениям на славянском языке, даже и IX, и X столетий».

Для С. Уварова Россия и русские – равночестная европейским молодая духом нация, обладающая остатками собственных народных начал, составляющих её особенное историческое лицо, но нуждающаяся в европейской

образованности и цивилизации для «усовершения» этих начал. Для славянофилов Русь и русские есть почтенная самобытная цивилизация, имеющая собственные основания и устроение, которым европейская образованность не во всём содействовала, а во многом и повредила. Уваровская Россия нуждается в благодетельном попечении правительства и его образовательных учреждений, которые осуществляют «модернизационный скачок», приобщающий русских к цивилизации, минуя буржуазность и третьесословность. Славянофильская Русь нуждается прежде всего в том, чтобы ей не мешали быть собой, а всё остальное она и без того умеет, что доказывают документы истории… собранные Строевым и изданные стараниями самого же Уварова.

В любом случае, период ученичества и умственного покорства Западу для русских закончен. Благом были дела Петра или злом, но европейский период для России с воцарением Николая I завершился – в этом согласны оба славянофильских крыла: и панслависты в лице Погодина и «истинные славянофилы» в лице Самарина – «влияние Запада на Россию кончилось… отныне наше развитие будет вполне самобытно».

В панегирике Петру Великому (1841 г.), вызвавшему нарекания со стороны славянофильского кружка за «угодничество», М. Погодин встроил в эту схему исхода из Европы даже Николая I и министра С. Уварова: «Период Русской Истории от Петра Великого до кончины Александра должно назвать периодом Европейским. С Императора Николая, который в одном из первых своих указов по вступлении на престол, повелел, чтоб все воспитанники, отправленные в чужие края, будущие Профессоры, были именно Русские, – с Императора Николая, которого Министр, в троесловной своей формуле России, после православия и самодержавия поставил народность, – с Императора Николая, при котором всякое предприятие на пользу и славу отечества, предприятие

Русское принимается с благоволением, начинается новый период Русской Истории, период национальный».

Славянофильство приняло тезис, провозглашенный властью: у России есть собственные исторические начала, которые не совпадают с началами революционизирующейся Европы. Эти начала могут быть извлечены из русской истории, древней русской словесности, языка. Однако из уст славянофилов этот тезис прозвучал гораздо четче: Россия есть самобытная цивилизация, от века живущая самостоятельной исторической жизнью.

«Россия – земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны. Очень ошибутся те, которые вздумают прилагать к ней европейские воззрения и на основании их судить о ней. Но так мало знает Россию наше просвещённое общество, что такого рода суждения слышишь часто. Помилуйте, говорят многие, неужели вы думаете, что Россия идёт каким-то своим путём? На это ответ простой: нельзя не думать того, что знаешь, что таково на самом деле… Как занимателен и важен самобытный путь России до совращения её (хотя отчасти) на путь западный и до подражания Западу! Как любопытны обстоятельства и последствия этого совращения, и, наконец, как занимательно и важно современное состояние России, вследствие предыдущего переворота, и современное её отношение к Западу!» – восклицает Константин Аксаков.

Эта цивилизация была равночестна европейской и не нуждалась в проведенной Петром Великим массированной и насильственной прививке западной культуры и обычаев.

«История нашей родной земли так самобытна, что разнится с самой первой своей минуты. Здесь-то, в самом начале, разделяются эти пути, русский и западноевропейский, до той минуты, когда странно и насильственно встречаются они, когда Россия даёт страшный крюк, кидает родную дорогу и примыкает к западной», – формулирует К. Аксаков основополагающий славянофильский тезис.

Дело Петра Великого – дурное, губительное дело. Именно здесь глубочайшее отличие славянофильства, причём особенно энергично именно славянофильства семьи Аксаковых, и от национализма императора Николая I и Уварова и от взглядов западников-государственников, на воззрения которых ориентировалось правительство при Александре II. Петровское дело было не улучшением и даже не продолжением, а решительно порчей русской истории. Никто не формулирует этот тезис (хотя и звучавший прежде в «Записке» Карамзина) с такой жесткостью, как именно братья Аксаковы.

«На рубеже XVII века в России явился гениальный Царь, исполненный энергии необычайной, силы духа необъятной… – пишет Аксаков в знаменитой статье «Значение столицы» в 1856 г. – Дар силы есть великий дар, но дар опасный: направленная в ложную сторону, она может делать столько же вреда, сколько и пользы, если направлена во благо… Гениальнейший из людей, Пётр был увлечён своею гениальностию. Он взглянул на Европу: открытия, изобретения, вместе с тем утончённость и вольность нравов, приличие, разрешающее и извиняющее порок и разврат, простор страстям человеческим и блеск наружный, – поразили его взор. Он взглянул на Россию: совершающая трудный путь самобытного развития, старающаяся усвоить всё хорошее, но, не переставая быть собою, медленно идущая вперёд, признающая народ всегда народом, не одевающая разврата в приличие и благоверность, вовсе не блестящая внешним блеском, исповедующая перед гордой Европой иные, не эффектные начала смирения и духовной свободы, глубоко верующая, тихо молящаяся, показалась Россия Петру невежественною страною, в которой нет ничего хорошего, кроме доброго, отличного народного материала. Пётр не усомнился разом осудить всю жизнь России, всё её прошедшее, отвергнуть для нея возможность самости и народности».

Отсюда настоящая война, развязанная Аксаковыми против Санкт-Петербурга как столицы и сосредоточения

петровского переворота: «Петербург поставлен на самом краю неизмеримого Русского государства, Петербург находится не только не в средине государственного племени, не только не среди Русского народа, но совершенно вне его, среди племени Финского, среди Чухон: Петербург принадлежит географически к России или, лучше, к владениям ея, но он находится за чертою русской жизни, за чертою коренной, настоящей России, к которой присоединились все эти владения, которая создала и которая держит всё это неизмеримое государство. Одним словом, Петербург есть заграничная столица России…

Петербург – столица России! Вот разгадка того внутреннего неустройства, в котором находится теперь Россия. Вот ключ к уразумению того всеобщего запутанного положения, до которого дошли все наши дела, и внутренние, и внешние. Вместе с новой столицей, Петербургом, теряется понимание России. Но нужно было полтораста лет состояния Петербурга в звании столицы, чтобы расшатать могучие, и вещественные, и нравственные, русские силы, чтобы довести Россию до того состояния, в котором она теперь находится, которое давно, более или менее, известно нам, подданным, которое выступило в эти годы ярко и для правительства, и которое грозит гибелью, если не примутся против него меры верные и скорые, если не возвратят России её родного воздуха, который один может исцелить её. А чтоб возвратить России русский воздух, надобно чтобы наше правительство вернулось к нам из-за границы».

И вот у К. Аксакова звучит роковой славянофильский диагноз, который так не хотелось слышать Николаю I от Ю. Самарина, когда царь спорил с привезенным из Петропавловской крепости крестником по поводу его «Писем из Риги»: Российская Империя есть государство, отчужденное от русского народа.

«Можно ли вообразить Российское государство без Русского народа? Вы можете вообразить себе Российское

государство без Финляндии, без остзейских провинций, без Польши, но без Русского народа Российское государство и вообразить нельзя, – без него оно невозможно. Следовательно, Русский народ значит всё в Русском государстве. Нельзя не признать его основою, на которой всё построено, которою всё держатся, нельзя бы, кажется, не принять его в расчёт, нельзя им пренебречь. Что же мы видим? Пренебрежён именно Русский народ».

Сам Константин Аксаков термина «славянофильство» не любил. Он именовал свои взгляды «русским воззрением» и считал своей задачей «пробуждение русского в русских и возвращение русским русского». В отличие от другого направления, панславистов, мечтавших об отторжении у Австрии славянских земель, Аксаковых интересовала, прежде всего, русская народность. Брат Иван, посаженный в 1848 году в крепость, показывал: «Признаюсь, меня гораздо более всех славян занимает Русь, а брата моего Константина даже упрекают в совершеннейшем равнодушии ко всем славянам, кроме России, и то даже не всей, а собственно Великороссии».

Насколько вообще уместно называть взгляды Аксакова национализмом? Зачастую национализм трактуется как идея о праве суверенного народа на владычество над своим, национальным государством. Константину Аксакову эта идея была чужда.

«Запад, из состояния рабства переходя в состояние бунта, принимает бунт за свободу, хвалится ею и видит рабство в России. Россия же постоянно хранит у себя признанную ею самою власть, хранит её добровольно, свободно, и поэтому в бунтовщике видит только раба с другой стороны, который так же унижается перед новым идолом бунта, как перед старым идолом власти; ибо бунтовать может только раб, а свободный человек не бунтует».

В записке «О внутреннем состоянии России» (1855 г.) в противоположность концепции народоправства он развил,

пожалуй, самую спорную доктрину славянофильства: учение о «безгосударственности» русского народа, который, мирно призвав Рюрика, позволил свободно действовать государству себе на пользу, не притязая ни на какие политические права и не требуя никаких конституционных гарантий. «Власть народа» для мыслителя категорически неприемлема – он один из самых антиреволюционных русских мыслителей.

«Гарантия нужна! – Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет доброго, чем стоять с помощью зла. Вся сила в идеале. Да и что значат условия и договоры, как скоро нет силы внутренней? Никакой договор не удержит людей, как скоро нет внутреннего на это желания. Вся сила в нравственном убеждении. Это сокровище есть в России, потому что она всегда в него верила и не прибегала к договорам».

С этим слишком формальным противопоставлением русских начал западным связана у К. Аксакова и некоторая недооценка русской истории, которой он чрезвычайно интересовался. «Русский народ не любит становиться в красивые позы, в его истории вы не встретите ни одной фразы, ни одного красивого эффекта, ни одного яркого наряда» – это, конечно, неправда. В реальных русских исторических источниках мы обнаружим не меньше яркого и эффектного, чем в западных. Противопоставлять русское начало западному, таким образом, не следует.

Но сколь категоричен К. Аксаков в отрицании юридического права народа на власть, столь же решительно он настаивает на полной свободе его мнения, его суждения, его критики власти. Именно «мнение народное» – та сила, с помощью которой русский народ реализует свои цели и защищает свой интерес. Эта идея отлилась у Константина Сергеевича в чеканный афоризм: «Государству – неограниченное право действия и закона. Земле – полное право мнения и слова». И сами славянофилы полностью следовали этой доктрине. Право мнения не было для них фиговым листком

для прикрытия раболепия перед государством. Верно служа царям и пытаясь их «распропагандировать» в пользу русского воззрения, они при этом были бесстрашны в слове, несмотря на отставки, аресты, запреты газет и журналов.

Порой эта оппозиция – Земля versus* Государство, особенно доведенная до доктринерства в логике младшего брата Константина Сергеевича – Ивана Сергевича Аксакова, яркого публициста и издателя, играла со славянофильством злую шутку. Получался как бы мысленный развод государства и нации, при котором нация освобождалась не только от правления, но и от участия в делах государства. Эта роковая уязвимость славянофильской доктрины продолжает себя в русской национальной мысли и по сей день: то тут, то там вместо борьбы русских за полноправие и полновластие в своём государстве начинаются рассуждения о необходимости «развода» нации и государства, который, в этом нет никакого сомнения, приведет к гибели и того и другого.

Но всё же, если представить себе конституцию, чистосердечно построенную на принципах аксаковской «записки», – полномочие власти с одной стороны и неприкосновенность свободы мнения, право же она была бы куда лучше конструкций, когда, чтобы имитировать «народную власть», приходится «прикручивать» фитиль народного мнения, а каждое «качание прав» превращается в смертельную угрозу для государства.

«Мелькнула свету поистине вдохновенно злая мысль: завести детские балы и своё светское устройство внести в невинный мир детей…» – зло писал Аксаков. Представить не трудно, что он сказал бы о мысли завести «детские митинги» и «детские революции». Здесь мы касаемся его главной неприязни, главного предмета гнева – светского общества, публики, как мы сейчас говорим – «тусовки».

* «Против» (лат.). – *Прим. ред.*

Оппозиция «“публика” и “народ“» стала значительным вкладом Константина Сергеевича (утонченного филолога) в семантику русского языка. «У публики своё обращается в чужое. У народа чужое обращается в своё. Часто, когда публика едет на бал, народ идет ко всенощной; когда публика танцует, народ молится… Публика выписывает из-за моря мысли и чувства, мазурки и польки, народ черпает жизнь из родного источника. Публика говорит по-французски, народ – по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ – в русском. У публики – парижские моды. У народа – свои русские обычаи».

Несмотря на все попытки в XX веке оторвать народ от русских корней, оппозиция «публика – народ» всё ещё актуальна. Народ – патриот своей Родины. Публика – патриот заграницы. Народ растит из детей своих наследников. Публика жаждет чужих детей превратить в пушечное мясо своей войны с властью. Народ хочет, чтобы власть его услышала. Публика желает, чтобы власть народа испугалась, а потому слушалась только её.

Публика хочет заградить народ от власти и власть от народа – в этом главная от неё опасность. А то, что мы это слишком хорошо сегодня понимаем – заслуга Константина Аксакова, московского мечтателя, сила разума и политическое провидение которого оказались во многих аспектах больше, чем у иных из «трезвых» мыслителей.

Не уподобляться Европе, – что в революциях, что в копировании либеральных учреждений, должна Русь, а действительно глубоко познать себя – и как культура, и как религиозная общность, и как носительница быта, и как самобытный соборно-самодержавный политический строй. Таков был тезис славянофильства. Этот тезис, будучи принят и развиваясь, начал порождать самобытную русскую культуру вокруг себя, будить творческие силы, осознавшие и свою связь с прошлым, и призвание к русскому будущему.

Что читать о Константине Аксакове:

1) *Аксаков, К.С.* Полное собрание сочинений: В 3-х томах. – 2-е изд., доп. – М.: Университетская типография, 1889;

2) *Аксаков, К.С.* Государство и народ / Составление и комментарии А.В. Белова. – М.: Институт русской цивилизации, 2009;

3) *Аксаков, К.С., Аксаков, И.С.* Избранные труды / Сост., авторы вступ. ст. и коммент. А.А. Ширинянц, А.В. Мырикова, Е.Б. Фурсова. – М.: РОССПЭН, 2010;

4) *Аксаков, К.С.* Эстетика и литературная критика. – М., 1995;

5) *Анненкова, Е.И.* Константин Аксаков. Веселье духа. – СПб: Росток, 2018;

6) *Валицкий, А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. – М.: Новое литературное обозрение, 2019;

7) *Тесля, А.А.* «Последний из „отцов“»: биография Ивана Аксакова. – СПб: Владимир Даль, 2015.

8) *Цимбаев, Н.И.* Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли XIX века. – М.: Издательство Московского университета, 1986.